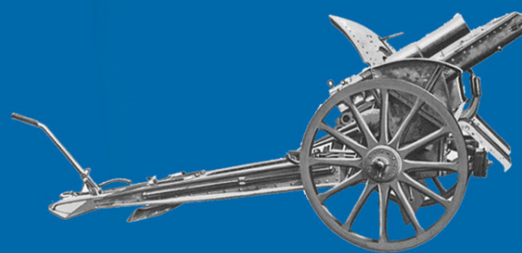

Круппы всегда любили Смерть, и Смерть любила Круппов

ЕВГЕНИЙ ЖАРИНОВ

*«Чем глубже пытаешься
погрузиться в семейные
тайны Круппов, тем мутнее и
непроницаемое становится вода».*

ИМПЕРИЯ КРУППОВ НАЦИЯ И СТАЛЬ

Моя жизнь

Евгений Жаринов

Империя Крупнов. Нация и сталь

«Издательство АСТ»

2019

УДК 929(430)
ББК 63.3(4Гем)-8

Жаринов Е. В.

Империя Круппов. Нация и сталь / Е. В. Жаринов —
«Издательство АСТ», 2019 — (Моя жизнь)

ISBN 978-5-17-112590-5

Семейство Круппов течение столетий, создававшее одну из самых могущественных корпораций в мире в конце XIX века достигла пика своего могущества. Придя в Германию вместе с «Черной смертью» семейство оружейников утратило свое влияние только после 1945 года. Круппы всегда любили Смерть, а Смерть любила Круппов. В книге доктора филологических наук, профессора Е.В. Жаринова собраны и проанализированы материалы, позволяющие нарисовать коллективный портрет одной из самых могущественных семей Европы, сыгравшей исключительную роль в развитии сталелитейной промышленности Германии и одновременно в развязывании нескольких войн. Автору удалось мастерски воссоздать характеры представителей разных поколений знаменитой немецкой династии «стальных королей». Большое внимание в книге уделяется становлению менталитета немецкой нации. Нация и сталь – лейтмотив книги, позволяющий связать ее разнообразный, нередко сенсационный материал в единое целое.

УДК 929(430)
ББК 63.3(4Гем)-8

ISBN 978-5-17-112590-5

© Жаринов Е. В., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	7
Глава I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Жаринов

Империя Крупнов. Нация и сталь

*Эта книга посвящается
Белякову Олегу Александровичу, без чьего участия она бы просто
не увидела свет*

*О, Германия, бледная мать!
Сидишь среди народов
Вся вываленная в дерьме,
Среди изгаженных
Самая грязная.*

Б. Брехт. Германия.

*Нацизм — это период, когда дух магии овладел рычагами
материального прогресса... Историк рассудителен, а история — нет.
(Pauwels et Bergier. *Le matin des magiciens*, Paris, Gallimard, 1960).*

*И если рождаются такие чудовища, надо полагать, что это
творения природы, хотя внешне они не отличаются от человека.
(Paracelse. *De Homunculis*, 1658).*

*И ещё раз скажу вам: не ждите слишком много от конца света.
(Stanislaw J. Lec. *Aforyzmy*. 1977).*

Пролог

В 1914 году был убит эрцгерцог Австрийский Франц Фердинанд. Вслед за ним в могилу сошла и вся старая Европа. Громкие старомодные титулы, безграничная империя, любимая супруга эрцгерцога, бесчисленные песчинки человеческих жизней – все было унесено в бездну безудержным потоком надвигающегося безумия.

Был Франц Фердинанд жесток, упрям как мул и не без легкого налета чванливой глупости потомственного аристократа. Именно убийцам эрцгерцога обязан своим бессмертием. Безумным и бессмысленным поступком своим террористам удалось снять с петель ворота ада, и старый добрый мир в лице пухлого и тупого австрийского аристократа очутился лицом к лицу с самой всеильной Смертью. Франц Фердинанд оказался первым в очереди, первым в огромной веренице человеческих душ, которых уже давно ждали адские топки и престол небесный. Лишь это обстоятельство и позволило имени эрцгерцога навечно зацепиться за скрижали истории и не кануть в бездну забвения.

И все же, каждые похороны имеют свои неповторимые особенности. В конечном счете, смерть способна возвеличить даже дурака, тем более эрцгерцога, чья кончина явилась лишь прологом гибели целого мира.

Когда речь зашла о наследстве, то никто не знал, как следует поступить с охотничьим домиком Франца Фердинанда, расположенном недалеко от Верфена. В течение четырех столетий этот охотничий домик, а на самом деле огромная вилла, был родовым гнездом для всех архиепископов Зальцбурга, при дворе одного из которых в качестве капельмейстера служил отец Моцарта. Однако постепенно власть в Зальцбурге стала светской, и легкий перестук священнических четок сменился ясным и бодрым лязганьем замков охотничьих ружей. Франц Фердинанд помимо прочих слабостей страдал почти маниакальной страстью к охоте. Бродя с ружьем по окрестным лесам, он собрал, может быть, самый большой охотничий трофей во всей Европе. Почти со всех стен восьмидесяти залов и комнат виллы глядели на посетителей застывшим взором стеклянных глаз мертвые головы оленей, волков, медведей, а также чучела зайцев, белок, сов, куропадок. Эрцгерцог словно заранее устилал путь всеильной Смерти трупами невинного зверья.

После кончины Франца Фердинанда сентиментальные жители Вены от всей души желали, чтобы новый владелец Блюмбаха смог бы по достоинству оценить уникальную коллекцию. Судьба сама разрешила все тяжелые сомнения сентиментальных венцев. Густав Крупп фон Болен унд Гальбах фон Эссен, что из соседней Германии, как никто другой подходил на роль нового хозяина опустевшей виллы. Что-что, а в оружии Круппы толк знали, равно как и в Смерти.

К этому времени Густав Крупп был всемирно известен как пушечный король. Семья искала себе новую загородную резиденцию подальше от пропахших гарью и дымом долин родного Рура. Круппам вилла понравилась. Из окон были видны вершина Альп, где, по преданию, в одной из пещер покоился прах великого императора Фридриха Барбаросса. Народная молва утверждала, что император лишь спит, и стоит стае черных воронов закружиться с громким граем над его могилой, как повелитель выйдет из склепа, готовый вновь защитить свой милый сердцу Фатерлянд.

Когда Густав Крупп покупал Блюмбах, то он и представить себе не мог, что вкладывает деньги с собственную гробницу. Но именно это и произошло ровно через тридцать один год. Теперь по прошествии трех десятилетий глава рода лежал без движения, парализованный, не подавая никаких признаков жизни, и точно также посреди всей Европы в конце второй мировой войны лежала в грязи и нечистотах разлагающаяся, как труп, Германия.

Со всех стен в комнате Густава смотрели на беспомощного старика чучела оленей и других животных. Страшный круг событий теперь замыкался, и петля времени, как змея, душила Густава Круппа тяжелыми воспоминаниями.

Кроме чучел в комнате парализованного старика никого больше не было. Во всяком случае так могло показаться при беглом взгляде на все происходящее. Однако внимательный взор обязательно остановился бы на ещё двух бледных человеческих фигурах, затерявшихся в полумраке. Одна из этих бледных фигур явно принадлежала молодому мужчине, а другая – престарелой женщине. Это были мать и сын. Из семи детей старика (пять сыновей и двух дочерей) лишь тридцатидвухлетний Бертольд смог оказаться в данный прискорбный час у постели отца. Еще за двенадцать лет до описываемых событий Густав Крупп решил, что император Барбаросса все-таки воскрес под именем Адольфа Гитлера, и это решение оказалось катастрофическим как для самой семьи, так и для всей Германии. Фюрер в своей книге «*Mein Kampf*» всю юность страны сравнивал с самой крупповской сталью и за это приходилось платить собственными детьми. Бертольд уцелел лишь потому, что, получив образование в Оксфорде, он считался выдающимся ученым, которого Вермахт специально направил в Мюнхен заниматься созданием пеницилина, столь незаменимого на войне.

Третьей человеческой фигурой в этой мрачной комнате была самая знаменитая женщина Третьего Рейха. Ее звали Берта Крупп. Когда Берта была совсем молодой, Кайзер Вильгельм II считался чуть ли не членом семьи Круппов. В поместье Хёгель, что в Эссене, ему были отведены целые покои. Кайзер присутствовал и на бракосочетании Берты, и на крестинах, мило-стивно возложив на себя обязанность быть крестным отцом старшего сына этой преданной, нестигаемой и вечно прямой, как свеча, женщины, которая по праву могла бы считаться супругой тевтонского рыцаря прошлых эпох. Но была эта женщина известна не только в Германии. Во Франции, Англии, а затем и в России простые солдаты надолго запомнили нежное женское имя супруги Густава, когда их окопы накрывали тяжелые снаряды огромной мортиры, выплавленной на заводах Круппа. Большая Берта, или просто Толстуха – так называли грозное орудие солдаты. На тот свет оно унесло немало жизней тех, кого считали *la chair a canon* (пушечным мясом).

Во время второй мировой войны имя Берты было присвоено и одному заводу в Силезии, занимающемуся сборкой знаменитых автоматов системы Шмайсер. На Бертаверке работали в основном заключенные из Асвенцема. Впрочем, и сам завод располагался на территории знаменитого лагеря смерти. Как утверждал один из свидетелей на Нюрнбергском процессе, из «окон завода были отчетливо видны печи крематория и газовые камеры». Черный дым уносил с собой тысячи и тысячи жизней тех, кто не способен был собирать лучшие в мире немецкие автоматы.

Мерное перестукивание святых четок в имении епископов Зальцбурга к середине XIX века сменилось не только пальбой охотничьих ружей, но и взрывами снарядов Большой Берты, а также оглушительным шумом бушующего пламени топок крематория под неумный аккомпанемент лязганья затворов немецких автоматов. Недаром немцы считаются создателями классической музыки. Такому крещендо мог позавидовать и сам Вагнер: для мира эта музыка Круппа звучала куда выразительнее и зловеще, чем даже знаменитый «Траурный марш» из «Гибели богов».

Круппы всегда любили Смерть, и Смерть любила Круппов. Она щедро награждала их род за самозабвенную преданность и верную службу. И хотя в истории этой семьи было немало взлетов и падений, Смерть всегда помогала им вновь сделать деньги и своей костлявой рукой вновь подсаживала очередного представителя славного рода в седло своего бледного тощего скакуна из Апокалипсиса художника Дюрера.

Именно в эпоху Дюрера и появился в Германии первый представитель рода Круппов. Его звали Арндт и про его предков не было известно ровно ничего. Многие биографы пыта-

лись вывести саму фамилию Круппов от некоего датчанина Кроппен, или Кроп, который жил в низовьях Рейна. Первые упоминания этого имени относятся к 1485, 1522 и 1566 годам. Но эти связи весьма сомнительны, и мы не можем с уверенностью сказать, что некий датчанин Кроппен, или Кроп и является истинным отцом Арндта, патриарха династии.

Предание утверждает, что первый из Круппов в один прекрасный день вышел из леса где-то в окрестностях города Эссена как раз в тот момент, когда повсюду властвовала Чума, или Черная Смерть, от которой никому не было спасения. Эссен в ту эпоху был типичным средневековым городом, в котором ценился даже самый маленький клочок земли. Жизнь протекала в основном на центральной площади, где до сих пор можно видеть здание старой ратуши и готического собора, построенного ещё в XII веке. В эпоху, когда здесь впервые появился Арнд Кропп, все выглядело иначе. Дома, словно пьяные, облакачивались друг на друга, а пространство немощенной площади занимали торговые ряды. Несмотря на высокие стены, по городу ночами разгуливали голодные волки, которые частенько заходили сюда из соседнего леса. Ночь, вообще, считалась в ту эпоху временем царства всесильного страха. Городской герольд перед закатом солнца обязательно возвещал о наступившем комендантском часе, и с этой поры лишь отчаянный человек или самоубийца отваживался оставить свой теплый домашний очаг и выйти на улицу. Ни один горожанин ни за что бы на свете не осмелился бы открыть ставни или, чего доброго, дверь даже если с улицы доносился душераздирающий вопль. Добропорядочные бюргеры предпочитали сидеть у очага, с облегчением вздыхая каждый раз, когда доносился с улицы звук колотушки сторожа и его протяжное: «Молись за усопших!»

Но воры и волки были ещё не самым страшным злом средневекового Эссена. Город можно было смело сравнить с огромной свалкой. Жители и представить себе не могли, что нечистоты нельзя выплескивать прямо из окон на головы прохожих, а в Страстную Пятницу добропорядочные бюргеры частенько устраивали погромы, и тело какого-нибудь еврейского менялы ещё долго могло гнить в углу городской стены, пока его не съедали волки. Ужасный, удушливый запах распространялся повсюду, и лишь очень богатые семьи пытались бороться с этими зловониями с помощью разбросанных по дому лепестков роз и лаванды.

Чума много раз посещала Эссен за всю историю существования этого города, и у горожан выработались определенные привычки и правила поведения. Если больной обнаруживался в одном из домов, то это жилище наглухо заколачивали, представляя его обитателям право гнить заживо. Некоторые, обнаружив признаки бубонной чумы у себя подмышками, начинали в отчаянии вести себя как настоящие маргиналы, насилюя женщин и совершая бессмысленные убийства. А по ночам лишь скрипели телеги, груженные трупами, да пьяные добровольцы сваливали в одну кучу обнаженные тела покойников.

Но в тот злополучный год смерть разыгралась не на шутку и косила уже всех без разбору. Началось повальное бегство жителей из города. Никто уже не надеялся отсидеться за дверями своих богатых жилищ. Как утверждают хроники, «улицы напоминали кладбища, на которых тела забыли предать земле и не с кого уже было спросить за эту оплошность». Казалось, что конец света должен был наступить с минуты на минуту. День за днем по улицам Эссена брели в никуда толпы оцепеневших от страха людей. Горожане покидали свои дома, закрывали лавки и уходили в поля, монастыри – молиться о спасении души. Но и монастырские стены не могли укрыть от всесильной чумы. Хроники утверждают, что в одном из монастырей, расположенных по соседству с Эссеном, монаху пришлось за короткий срок придать земле настоятеля и всю братию, причем были дни, когда могилу приходилось рыть сразу троим. Наконец монах остался совсем один. Его сопровождал лишь верный пес, с которым несчастный и покинул опустевшую обитель, рассчитывая, что конец света настигнет его прямо на дороге. Заранее рыть для себя могилу он не захотел. Так они и бродили, собака и человек, неприкаянные и ненужные ни миру живых, ни миру мертвых. Из «бродячих» был и «патриарх» рода Круппов таинственный Арндт. Он вышел из леса и появился у врат зачумленного города как раз в

тот момент, когда во Франкфурте-на – Майне вышли из печати первые народные сказания о знаменитом докторе Фаусте, продавшем свою душу дьяволу. В этом сказании говорится, что Фауст был крестьянский сын, очень способный, попавший в дом состоятельного родственника, а затем посланный в университет. Получив степень магистра, он оказался в дурном обществе, увлекся магией и, наконец, вызвал дьявола, с которым заключил договор; дьявол обязался служить молодому человеку 24 года.

Как бы там ни было, а первый из рода Круппов словно не боялся смерти, словно был заговорен от нее, словно имел очень влиятельного покровителя. Когда все в страхе бежали из города, лишь Арндт Крупп бродил по улицам степенно и неторопливо скупал за бесценок дома, амбары и утварь: кому нужна была эта рухлядь, если скоро весь мир должен был кануть в небытие. Арндт словно знал, что делает, казалось карман прищельца прожигал странный договор, гарантировавший ему как минимум ещё 24 года жизни, даже несмотря на конец света.

Но вот минул канун нового века, а конец света так и не наступил. Потихоньку жители стали возвращаться в город. Они шли к Арндту, чтобы выкупить свои родовые гнезда. Ожидаемый конец света поднял цену ровно в три раза. Сделка со смертью принесла Арндту столько денег, что их хватило ещё пяти поколениям семейства Круппов.

Как и какие разговоры и, главное, с кем вел Арндт в опустевшем городе – нам неизвестно, но конец света пришлось отодвинуть на неопределенный срок: договор есть договор. Нужно сказать, что тайна всегда окутывала историю этого рода плотной завесой. Круппы любили создавать иллюзии, любили обманывать ожидания публики. Нечто подобное произошло и в 1945 году, когда Густав, парализованный, лежал в своем доме и ждал, когда к нему явятся союзники, чтобы вести на суд. Для непрошенных гостей у Густава, главного из Круппов, был заготовлен сюрприз...

Теперь в 1945 году казалось, что почти безграничная власть Круппов подошла к концу. В течение четырех сотен лет своего существования династия сумела пережить приступы безумия, скандал и обвинения в сексуальных извращениях, унижение военной оккупации и даже банкротство, но ничто не могло сравниться с теми новыми бедами, которые сгущались над головой семьи в связи с гибелью Третьего Рейха. Вагнеровские сумерки нависли над всей Германией. Пророчество Генриха Гейне, казалось, сбывалось прямо на глазах: цивилизация стояла на краю гибели, и все дрались против всех. Еще в то время, когда Берта была совсем юной и когда ничего не предвещало беды, мать будущей хозяйки дома Круппов Маргарита фон Энде Крупп сказала как-то: «Знаешь, иногда я испытываю страх, когда вижу, как много принадлежит нашей семье и как обласканы мы милостью Кайзера... Этого всего слишком, слишком много, дорогая... В своих кошмарах я вижу, как в один прекрасный день все, чем мы владеем, превращается в прах...» Но даже Маргарет не могла себе представить всю меру потери и унижения, которые предстояло пережить её родственникам. Из столицы по радио Геббельс неустанно повторял: «Берлин останется немецким! Вена вновь будет принадлежать Германии!» Но с каждым часом становилось ясно, что Австрия навсегда сбросила с себя униформу солдата Вермахта. Шесть месяцев прошло с тех пор, как генерал Гёдель сделал запись в дневнике: 28 сентября – «Черный день». Сейчас в апреле все дни казались черными, как ночь. Эссен пал. Сестра Берты, которая всегда считала Гитлера парвеню, выскочкой, была схвачена гестапо по обвинению в участии в заговоре против Фюрера. Деверь Берты оказался в концентрационном лагере по той же причине. Сын деверя остался лежать в снегах России, племянник гнил на дне Атлантики: по иронии судьбы он находился на британском судне, собираясь благополучно доплыть до Канады в качестве военнопленного, когда его торпедировала немецкая подводная лодка, собранная на заводах Круппа. А три сына несгибаемой Берты, храбрые офицеры Рейха, без следа сгинули на полях сражений. Клаус, служивший в Люфтваффе, погиб ещё в 1940 г., Геральд был захвачен в плен в Бухаресте русскими, а Экберт, младший, совсем недавно погиб

в Италии. И теперь в Блюнбахе Берте приходилось играть роль простой сиделки, убирая за парализованным мужем грязные простыни и ночную утку.

«О, Ach, mein Gott!» – еле слышно произнес парализованный старик. Берта! Берта!» Мать и сын вышли из тьмы и приблизились к больному. Где-то в доме с грохотом захлопнулась массивная дверь, что вызвало приступ гнева хозяина дома: «Donnerwetter!» Этот разбитый параличом старик, который нарек своим именем тяжелое орудие, громившее укрепления русских в Севастополе, терпеть не мог шума и беспорядка.

По иронии судьбы именно паралич стал пиком всей жизни Густава, пытавшегося регламентировать свое поведение и поведение всех членов семьи. Он словно стремился заковать себя в непроницаемую броню порядка, и вот теперь Бог и Природа действительно сковали все движения старика лучше всякого искусственного панциря или правил.

Всю свою жизнь Густав был ничем иным, как пародией на несгибаемого прусского офицера. Так, чтобы закалить себя и не чувствовать холода, он всегда поддерживал низкую температуру в своем офисе в поместье Хёгель. Зимой она не превышала 100°C. Берта занималась делами благотворительности в этом же кабинете и обычно разбирала бумаги вместе с мужем. На ней всегда была надета теплая шуба. Обеды в Хёгеле были строго регламентированы. Густав был уверен, что есть надо мало и очень быстро. Некоторые гости, незнакомые с подобными правилами, вспоминали, что стоило им попытаться занять хозяина дома разговором, как тут же лакеи уносили их тарелку. «У Круппов нельзя было зевать, – заметил как-то один из посетителей, – а иначе вы рисковали вместо мяса прикусить собственный язык». Густав сам достиг заметного совершенства по части быстрой еды. Он считал застольные разговоры напрасной тратой времени.

Можно сказать, что безукоризненный порядок был единственной религией старшего Круппа. Одним из его странных пристрастий было параноидальное желание внимательно изучать расписания поездов. Причем, в этих расписаниях он вычитывал в основном типографские ошибки и опечатки. Когда удача улыбалась Круппу и опечатка была найдена, то всесильный магнат незамедлительно набирал номер телефона и разносил начальника железной дороги за допущенную оплошность. Покидая дом, Густав каждое утро требовал, чтобы мотор в автомобиле уже работал на холостом ходу. Собираясь он молниеносно, дабы не расходовать понапрасну бензин.

Все знали, что в 10 вечера в своем поместье Хёгель Густав всегда отправляется к себе в спальню. Лакей уже в 945 обычно склонялся над ухом гостя и шепотом предупреждал его, что пора оставить хозяина в покое.

В своих отношениях с внешним миром Густав поражал своей лояльностью по отношению к любой власти в стране. Почитание начальства для Густава, как и для любого истинного немца, считалось чуть ли не священной обязанностью. Круппу даже неважно было, кто стоял у руля Власти. Когда Кайзер отправился в изгнание в 1918 году, то Густав остался ему предан и каждый год на день рождения посылал в Дрон поздравительные письма, уверяя бывшего правителя в своей преданности и любви. Говорят, что стоило кому-то непочтительно высказаться в адрес президента Веймарской республики, столь презираемой в народе, Густав тут же вставал и покидал комнату в знак протеста. Власть, даже слабая и плохая, была для него воплощением святости. С приходом Гитлера Густав сразу же стал самым преданным его сторонником и даже был удостоен клички «обернацист». Крупп был готов принять вместе со своей слепой верой в фашизм даже самые ужасные последствия, которые неизбежно должны были обрушиться на голову преданного промышленника. Так, когда самолет Клауса, сына Густава и Берты, был сбит, то один из друзей семьи предложил совершить обмен военнопленными. Однако непреклонный «обернацист» коротко ответил: «Мой сын почтет за честь умереть, сражаясь за Фюрера!»

Союзники знали, что Густав фанатично предан Гитлеру, что он с гордостью носит партийный золотой значок. И пока этот разбитый параличом старик стонал и ругался в темной комнате в своем поместье Блюнбах, агенты разведок стран победительниц безуспешно искали его по всей освобожденной Европе как одного из самых страшных военных преступников. Имя Густава Круппа стояло рядом с именами Геринга и Рибентропа в списке разыскиваемых наци. Главе дома грозил арест. Однако с подобными неприятностями Густав уже сталкивался. Нечто подобное с ним уже произошло после первой мировой войны, когда имя Густава шло сразу же за именем Кайзера Вельгельма. Их обвиняли в развязывании мировой бойни. И когда в 1923 г. Франция оккупировала Рур, могущественного Круппа впервые в жизни отправили за решетку. Но сейчас союзники были настроены куда решительнее. Теперь они собирались вздернуть немощного старика на виселице, которую уже всю сколачивали для публичной казни в Нюрнберге. Полное досье на все преступления Густава находилось в каждой спецслужбе каждой союзной армии с грифом «совершенно секретно». И каждый из союзников хотел первым схватить паралитика.

Однако во всем этом деле было немало темных и неясных мест. И прежде всего эти неясности начинали давать знать о себе как только речь заходила о личности самого Густава Круппа. Во-первых, как бы человек не старался следовать даже самым строгим правилам, а он все равно остается человеком, то есть явлением исключительным и непредсказуемым. И, во-вторых, сколь долго не играй в своей жизни чужую роль, а побыть хоть на мгновение самим собой рано или поздно, а захочется.

Так, в семейном кругу железного Густава звали просто – «Бычок» или «Сахарочек». На самом деле, когда приходилось снимать с себя ненавистную маску, глава дома оказывался застенчивым человеком, страдающим от огромного количества всевозможных комплексов, причиной одного из которых многие считали маленький рост короля пушек (Густав на целую голову уступал своей рослой супруге). В юности он хотел стать дипломатом и поэтому стремился приобрести внешний лоск и хорошие манеры.

В течение сорока лет этот человек старался добросовестно играть роль нестигаемого главы прославленной династии. Густав выдавал себя за полновластного хозяина фирмы, и мир верил ему. Но на самом деле в этой самой фирме, в огромной крупповской империи лично Густаву не принадлежало ни одной акции. Этот человек всю свою жизнь участвовал в грандиозном маскараде, добровольно надев на себя маску хозяина, хотя даже к самой фамилии Круппов не имел по своему происхождению никакого отношения. Это имя он получил по милостивому разрешению самого Кайзера лишь, когда ему исполнилось тридцать шесть лет. Однако в апреле 1945 года союзникам было не до этих семейных тонкостей. Именно в Густаве они видели воплощение чуть ли не вселенского зла и причину всех людских бедствий. Из США к этому времени в Нюрнберг уже прибыл целый корпус первоклассных юристов. Машина правосудия начинала набирать обороты и остановить её уже не представлялось возможным. Американские войска добрались наконец до Блюнбаха, и Густав, этот актер, сумевший обмануть весь мир, под усиленным конвоем был перевезен в небольшую гостиницу, находящуюся неподалеку от знаменитого охотничьего домика Франца Фердинанда.

Берта и здесь продолжала прислуживать своему больному мужу, хотя из них двоих она, стремящаяся всегда уйти в тень, была настоящим, а не фиктивным представителем семейства Крупп. В её жилах, а не в жилах Густава текла кровь Арндта знаменитого торговца эпохи Великой чумы.

Юристы продолжали изучать дело и им понадобилось немало времени прежде чем они поняли, что арестовали не того человека. В гостинице под усиленной охраной находился не настоящий преступник, а разбитый параличом актер, который на свою беду слишком увлекся игрой и спутал реальность с вымыслом.

Тем временем настоящий Крупп, истинный владелец могущественной империи и нацистский преступник продолжал разгуливать на свободе.

Глава I

Наковальня Рейха или Лед и Огонь

Чем глубже пытаешься погрузиться в семейные тайны Круппов, тем мутнее и непроницаемое становится вода.

Круппом по крови, то есть настоящим, а не поддельным представителем рода, могла считаться только Берта. Это она унаследовала от своего отца огромную промышленную империю, когда ей едва исполнилось шестнадцать. Но в пределах Фатерлянда было немыслимым передать подобную власть в руки женщины. По этой причине Берте следовало срочно найти подходящего жениха. Таким женихом и стал Густав фон Болен унд Гальбах. Многие обстоятельства указывают на то, что сам кайзер Вильгельм принял активное участие в устройстве этого брака. Рука юной Берты Крупп была бесценным сокровищем и предметом исканий многих молодых людей из знатных военных семей, которые довольно часто стали появляться с визитами в поместье Хёгель. Но кандидатура Густава фон Болен унд Гальбаха оказалась предпочтительнее всех, и с легкой руки кайзера Вильгельма молодому человеку после женитьбы следовало именовать себя: Густав Крупп фон Болен унд Гальбах. В народном же сознании длинное имя не прижилось и было сокращено до привычного и всем понятного имени Крупп. Так Густав и стал тем, чем он стал.

Однако кайзер подобной фамильярности никак не мог себе позволить и всегда называл супруга Берты исключительно как «мой милый фон Болен», словно давая понять Густаву, что для знаменитого рода он так и остался чем-то вроде приемного жениха.

Но кто же тогда был настоящим владельцем огромной империи, кто действительно мог считать себя Круппом и кто мог возложить на свои плечи всю тяжесть ответственности за совершенные злодеяния?

В течение почти всей войны, когда тяжелые орудия на расстоянии свыше 134 миль сравнивали с землей английские города, находясь при этом на другом берегу Атлантики – заметим, что самим англичанам казалось, будто не орудийные снаряды сыпятся на их головы, а бомбардировщики Люфтваффе, летящие на недостижимой для радаров высоте, утюжат их города: такими тяжелыми и разрушительными были эти «подарки» семьи Крупп – так вот, в течение всего этого ужасного времени, когда заключенные Аушвица, а также бесчисленные рабы ещё 138 лагерей смерти работали на процветание империи Круппа, когда сам Роберт Ротшильд, отказавшись подписать бумаги, передающие его французские заводы в распоряжение немецкой монополии, был тут же отправлен вместе с другими евреями в газовую камеру, в течение всей этой эпохи у руля власти стоял не Густав, а его старший сын по имени Альфред Феликс Олвин Крупп фон Болен унд Гальбах.

В соответствии с указом кайзера Вильгельма, изданного в 1906 году по случаю бракосочетания Густава и Берты, в будущих поколениях только старший представитель семьи по мужской линии мог именоваться: Крупп фон Болен унд Гальбах. Клаус, Бертольд, геральд и Экберт, а также их сестры носили лишь имя своего отца: фон Болен унд Гальбах. Но даже Альфред не сразу получил право именовать себя Круппом. Это магическое имя было подобно короне, которой венчались на высшую власть, да оно само по себе было воплощением почти неограниченной власти. Если имя и есть миф, то для немцев Круппы были не менее значимы, чем для англичан король Артур или волшебник Мерлин. Такое сравнение представляется вполне правомочным, если учесть тот факт, что Круппы наиболее ярко проявили себя именно в эпоху фашизма, когда мистицизм и оккультизм стали воплощением политики целого государства и поисками Святого Грааля накануне второй мировой войны занимался сам фюрер.

Итак, нам известно, что Альфред не носил имени Крупп вплоть до 31 марта 1942 года, когда ему и суждено было встать во главе огромной фирмы, то есть сделаться Директором Директоров. Энергия и мощь Альфреда казались неисчерпаемыми, чем он очень напоминал своего прославленного деда, стараниями которого Круппы и получили негласный титул «Пушечные короли». По иронии судьбы этот титул был закреплен за именем семьи в 1863 году благодаря небывалому заказу, который удалось заключить отцу Берты и деду Альфреда на сумму в миллион талеров. В роли заказчика же выступила Российская империя, когда во главе государства находился Александр II.

Военный заказ на такую астрономическую сумму всеми был воспринят как настоящая сенсация. О нем тут же прознали парижские газетчики и первые пустили в мир довольно необычное в то время словосочетание «Le Roi des Canon», которое тут же было подхвачено лондонскими изданиями, что ещё прочнее закрепило новый титул, сделав его почти официальным. Это уже в XX веке будет привычно говорить «Король рок-н-ролла», «Король сцены», а в середине девятнадцатого, когда были живы ещё все монархи мира, вряд ли считалось уместным такое тиражирование признака высшей власти. Но для Круппа было сделано исключения, тем более что он даже при самом пристальном рассмотрении и при самом фантастическом допущении, столь характерном для нашего постмодерна, стремящегося смешать все явления в одну кучу, не имел ничего общего ни с Элвисом Пресли, ни с любым другим веселым и безобидным «королем» XX века. Круппы создавали Смерть, и она была вполне реальной, а, следовательно, требовала и заслуживала уважения даже у самых высоких титулованных особ. Было же выгравировано на пушках Людовика XIV: «Последний довод королей». Этим доводом и снабжал почти все монаршьи дворы Европы отец Берты и дед Альфреда. Власть всегда любила Смерть, и всегда благосклонно относилась к тем, кто ей помогал осуществить свою беззаветную любовь к разрушению.

Ирония заключалась в том, что если дед благодаря России вознесся на вершину власти, то внук благодаря той же России потерял почти все, словно повторив либретто колоссальной оперы Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга». Круг событий самым фантастическим образом замкнулся на этой огромной заснеженной стране и знаменитый род, как и вся Германия, словно завершили очень важный и большой этап своей непростой и мистической истории.

Здесь требуется дать кое-какие пояснения. Известно, что до наполеоновских вторжений в Германии не было единой нации, но существовала целая россыпь неравноценных государств с разнородными традициями; в какой-то мере их объединяла мифическая духовная власть. По мнению исследователей, единое немецкое национальное сознание, «существенно не менявшееся в течение тысячелетий», жило ностальгией по всемирной миссии или великом предназначению. Такая атмосфера сделала Германию «самым излюбленным среди западных стран местом для всевозможных тайных обществ, цель которых была – усугубить внешнюю и внутреннюю дезорганизацию путем внедрения мощной оккультной власти».

Особенно ярко, по мнению все тех же исследователей, эта тенденция проявилась на востоке, то есть на территории современной Пруссии. На побережье Балтийского моря и на окраине польско-русских лесов со времен раннего средневековья жили феодалы – бедные, героические, властные и независимые. Они возделывали скудную землю, но уже тогда баронам не давала покоя идея о «лебенсрауме» (жизненном пространстве). Территория славянских племен, территория будущей России и была той желанной целью, о достижении которой мечтали многие потомки тевтонских рыцарей и древнегерманских воинов. Это был вызов всемогущей Судьбе, который по-настоящему суждено было бросить лишь в эпоху фашизма, поэтому Россия и сыграла столь судьбоносную роль как в истории самой Германии, так и в истории династии Круппов.

С положением незаконного наследника, лишённого магического имени Крупп, Альфред не мог мириться до бесконечности. Его энергия, его мощь казались неисчерпаемыми. Для всей

корпорации Круппов он добился особых привилегий. Документы дают понять, что на заводах семьи трудились не только немцы, но 68896 иностранных рабочих, 23076 военнопленных и 4978 узников концлагерей (в основном евреи). Получалось так, что Альфред был истинным и безграничным правителем Рура, и в его руках оказалась жизнь 97952 рабов. Все, что не хватало Альфреду, так это короны, которую он собирался получить любой ценой. Это желание подогревалось ещё и тем, что в глазах нацистской элиты Альфред уже считался некоронованным королем знаменитой династии.

Парализованный Густав уже не мог удержать в своих дряхлеющих руках столь огромной власти. Настало время, когда ему следовало поделиться своим фамильным титулом «Крупп», впрочем, незафиксированном ни в одной геральдической книге, со старшим сыном. По древней традиции один мужчина должен был управлять делами семьи. Но обстоятельства требовали отхода от устоявшихся правил. И в 1941 году Густав и Берта согласились, что все, что касается тяжелой индустрии, отныне перейдет в руки Альфреда при условии, что он немедленно разведется со своей юной женой. Этот брак относился к разряду нежелательных. Ради власти и короны Альфред пошел и на это. Власть и только власть и была его истинной страстью, его самой пылкой и искренней любовью. Поэтому 10 августа 1942 года Альфред, высокий, красивый, средних лет мужчина, который внешне очень походил на свою мать, решил на свой страх и риск появиться в подземном бункере в Восточной Пруссии, в котором располагалась ставка Гитлера. Этот визит был предпринят лишь для того, чтобы при поддержке самого авторитетного в государстве человека официально уладить вопросы династической преемственности. Еще с юности Альфред был искренне предан фюреру. Крупп был абсолютно уверен, что в ставке ему окажут теплый прием, тем более, что перед 10 августа 1942 года ему удалось заранее списаться с Мартином Борманом и Гансом Лемерсом, нацистским оракулом. Следует сказать, что в Третьем Рейхе не делалось ничего без ведома астрологов и других специалистов в области оккультизма. В наше время появилось немало книг, в которых говорилось бы о власти магических культов в нацистской Германии. Это во многом объяснялось личностью самого Гитлера. Судя по всему, ещё за долго до прихода к власти он был расположен ко всякого рода мистицизму. Об этом говорит хотя бы следующий факт из биографии. В далеком 1912 году некий венский студент Вальтер Йоханнес Штайн разыскал в оккультной книжной лавке старого квартала Вены экземпляр знаменитого рыцарского романа Вольфрама фон Эйшенбаха «Парсифаль», где речь шла о поисках Святого Грааля. Эта книга содержала в себе многочисленные пометки и комментарии к тексту, интерпретирующие эпическую поэму как испытание посвященных, открывающее им путь к достижению трансцендентных вершин сознания. Интерпретация сопровождалась множеством цитат из восточных религий, алхимических трактатов, из астрологии и мистицизма. Штайн также отметил, что через весь комментарий проходит тема расовой ненависти и пангерманского фанатизма. Имя, написанное на внутренней стороне книжной обложки, указывало на то, что её прежним владельцем был Адольф Гитлер. Любопытство Штайна было сильно возбуждено, и он вернулся в лавку для того, чтобы расспросить её хозяина о человеке по имени Гитлер. Эрнст Прецше сообщил Штайну, что Гитлер прилежно занимается изучением оккультных наук, и дал ему его адрес. В «Mein Kampf» сам Гитлер об этом периоде своей жизни напишет: «Я читал тогда бесконечно много и читал основательно. Все свободное время, которое оставалось у меня от работы, целиком уходило на эти занятия. В течение нескольких лет я создал себе известный запас знаний, которыми и питаюсь поныне. Более того. В это время я составил себе известное представление о мире и выработал себе мировоззрение, которое образовало гранитный фундамент для моей теперешней борьбы. К тем взглядам, которые я выработал себе тогда, мне пришлось впоследствии прибавить только немного, изменить же ничего не пришлось».

Штайн разыскал Гитлера. В ходе их частных встреч в конце 1912 и начале 1913 гг. Штайн понял, что Гитлер верит в то, что Священное Копье, которым предположительно про-

тыкали тело распятого Христа, наделяет его обладателя неограниченной властью, способной и к хорошему и к дурному. Его предшественниками владельцами были Константин Великий, Карл Смелый, Генри Птицелов, Отто Великий, император Гогенштауфен. Как собственность габсбургской династии Копье хранится в Хофбурге, в Вене. Гитлер заявил, что он также стремится к обладанию Копьем для того, чтобы осуществить свои мечты на мировое господство. Поведал будущий фюрер своему собеседнику и то, что для ускорения своего оккультного развития он начал употреблять галлюциногенные пейоты. Но всего через семь лет за образование Гитлера возьмутся настоящие профессионалы из так называемого тайного общества Туле.

Осенним днем 1923 года в Мюнхене умрет довольно странный человек поэт, драматург, журналист, представитель богемы, называвший себя Дитрихом Эккардом. С легкими, обо-жженными ипритом, он, прежде чем началась агония, произнес очень личную молитву перед черным метеоритом, о котором он говорил: «Это мой камень Кааба» и который он завещал профессору Оберту, одному из создателей астронавтики. Он послал длинную рукопись своему другу Гаусгоферу. Его дела были в порядке. Он умрет, но общество Туле будет продолжать жить и вскоре изменит мир и жизнь на Земле.

В 1920 году Дитрих Эккард и другие члены общества Туле, в частности архитектор Альфред Розенберг, познакомились с Гитлером. Они назначили ему первую встречу в доме Вагнера, в Байрейте. В течение трех лет они непрерывно окружали маленького капрала рейхсвера, руководили его мыслями и поступками. Конрад Гейден пишет: «Эккард взялся за духовное формирование Адольфа Гитлера. Он учил его также писать и говорить. Его образование шло в двух планах: «тайная» доктрина и доктрина пропагандистская. Он рассказал о некоторых своих беседах с Гитлером в этом плане, которые нашли свое воплощение в любопытной брошюрке под заглавием «Большевизм от Моисея до Ленина». В июле 1923 года именно Эккард станет одним из семи членов-учредителей национал социалистической партии. Осенью, умирая, он сказал: «Следуйте за Гитлером. Он будет танцевать, но музыку написал я. Мы дали ему средства сообщения с Ними... Не жалейте меня: я окажу на историю большее влияние, чем любой другой немец...»

Легенда Туле восходит к происхождению германизма. Речь идет об исчезнувшем острове где-то на Крайнем Севере. В Гренландии? В Лабрадоре? Как и Атлантида, Туле был магическим центром погибшей цивилизации. Для Эккарда и его друзей все тайны Туле не были утрачены. Существа, промежуточные между человеком и разумными существами, располагают для посвященных запасом сил извне, откуда они могут черпать, дабы вернуть Германии главенство над миром, дабы сделать Германию нацией провозвестницей Грядущего сверхчеловечества, мутацией человеческой породы.

Настанет день, когда легионы обрушатся, чтобы уничтожить все, препятствующее духовной судьбе Земли, и их поведут нестигаемые люди, питаемые источниками энергии Великих Древних. Здесь словно переплелись мистические учения XX в. с концепцией Судьбы древнегерманских племен, которая наиболее ярко характеризует существенные особенности национального менталитета немцев, сохранившиеся на протяжении многих и многих веков.

Рудольф Гесс был ассистентом Гаусгофера, когда тот преподавал в Мюнхенском университете. И Гесс и Гаусгофер были членами общества Туле и продолжали дело умершего Эккарда. Именно Гесс установил контакт между Гаусгофером и Гитлером. Уже в наши дни в редкие минуты просветления, возникавшие во время его необъяснимой болезни, заключенный Гесс, последний, выживший из группы Туле, заявил официально, что Гаусгофер был магом, тайным учителем Гитлера после Эккарда.

Гитлер родился в Браунау на Инне 20 апреля 1889 года в 17 часов 30 минут, в доме 219 в Зальцбургском Форштадте. Это пограничный австро-баварский город, место встречи двух великих германских государств. Но именно под Зальцбургом, то есть где-то по соседству, осядет в самом начале XX в. знаменитый род пушечных королей Крупнов. В истории поистине

«бывают странные сближения». Позднее Браунау стал для фюрера символическим городом. С ним связано странное предание: он питомник медиумов. Это родной город Вилли и Руди Шнейдеров, чьи психические опыты стали сенсацией. У Гитлера была та же кормилица, что и у Вилли Шнейдера. Жан де Панж писал в 1940 году: «Браунау – центр медиумов. Одна из самых известных – мадемуазель Стокгам, которая в 1920 году вышла замуж в Вене за принца Иоахима Прусского. Именно в Браунау мюнхенский спирит барон Шренк Нотцинг находит своих медиумов, один из которых был как раз кузен Гитлера».

Оккультизм учит, что, войдя в контакт со скрытыми силами посредством договора, члены группы могут вызывать эти силы только через посредство мага, который не может действовать без медиума. Все в истории немецкого фашизма происходило так, как если бы Гитлер был медиумом, а Гаусгофер магом.

Раушнинг описывал Гитлера следующим образом: «Глядя на него, приходится думать о медиумах. Большую часть времени это обычные, незначительные существа. Вдруг на них как с неба падает сила, поднимающая их над обычными мерками. Эта сила – внешняя по отношению к их действительной личности. Он – как гость с других планет. Медиум одержимый. Исчерпав этот порыв, он вновь в падает в ничтожность. Так, несомненно, некие силы пронизывают Гитлера. Силы почти демонические, для которых персонаж по имени Гитлер – только мимолетная одежда. Это соединение банального и исключительного – невыносимая двойственность, ощущаемая немедленно при контакте с ним. Это существо могло бы быть придумано Достоевским. Таково впечатление, производимое в странном лице соединением болезненной рассеянности и беспокойной силы... Один человек из его окружения сказал мне, что Гитлер просыпается ночами, издавая жуткие крики. Сидя на кровати, он завет на помощь. Его можно принять за парализованного. Его так трясет от страха, что дрожит кровать. Он что-то кричит и дышит так тяжело, что чуть не задыхается. Тот же человек рассказал мне об одном из припадков с такими деталями, что я бы не поверил, если бы не был уверен в источнике.

Гитлер стоял в своей комнате, пошатываясь и оглядываясь с испуганным видом.

Это он! Это он! Он явился сюда! – стонал фюрер. Его губы были мертвенно бледными. Обильно выступил пот. Вдруг он произнес цифры, не имеющие никакого смысла, затем лова, обрывки фраз. Это было ужасно.

Гитлер употреблял странно подобранные термины, совершенно удивительные. Затем он снова замолчал, но губы его двигались. Гитлера растерли, дали ему напиток. Затем он внезапно встрепенулся:

Там! Там! В углу... Он здесь!

Фюрер бился и рычал. Его принялись успокаивать, говоря, что ничего страшного не происходит, и он понемногу успокоился».

В своей книге «Неизвестный Гитлер» Жан Югли пишет: «...Надо признать, что создателя Третьего Рейха окружал иррациональный климат, частично поддержанный его отношениями с некоторыми нацистскими эзотериками».

Штрассер отмечал, что «тот, кто слушает Гитлера, вдруг видит появление вождя человеческой славы... Словно свет появляется в темном окне. Господин с комичной кисточкой усов превращается в архангела... Потом архангел улетает, и остается только Гитлер, который садится, обливаясь потом, со стеклянными глазами».

Буше в свою очередь сделал следующее наблюдение: «Я заглянул в его глаза, глаза стали медиумическими. Порой он выглядел так, будто что-то вселялось в оратора извне. Он излучал флюид... Потом он вновь становился маленьким, посредственным, даже вульгарным. Он казался усталым, как бы с истощенными до конца аккумуляторами».

Карл Гаусгофер, маг Третьего Рейха, для которого Гитлер был лишь медиумом, родился в 1869 году. Он неоднократно бывал в Индии и на Дальнем Востоке, был послан в Японию и изучал японский язык. Он считал, что колыбель германского народа находится в Центральной

Азии и что неизменные качества, величие, благородство мира были обеспечены индогерманской расой. В Японии Гаусгофер получил посвящение в одном из самых значительных тайных буддистских обществ и обязался в случае провала его «миссии» совершить ритуальное самоубийство. Кажется, именно Гаусгофер избрал эмблемой свастику.

В Европе, как и в Азии, свастика всегда считалась мистическим знаком. В ней видели символ Солнца, источник жизни и плодородия, или грома демонстрации божественного гнева, который она в состоянии заклинать. В отличие от креста, треугольника, круга или полумесяца свастика – не простейший знак, который мог быть сколько угодно раз выдуман в любую эпоху истории человечества и в любой точке земного шара, символизируя каждый раз что-нибудь другое. Это первый знак, начертанный с точным измерением. Изучение его миграции ставит задачу, связанную с первыми веками, с общим происхождением различных религий, с доисторическими отношениями между Европой, Азией и Америкой. Ее самый первый след был обнаружен в Трансильвании и восходит к концу эпохи неолита. Ее находят на сотнях веретен XIV века до нашей эры и в Китае, и на раскопках Трои. Она появляется в Индии в четвертом веке до нашей эры и в Китае в пятом веке нашей эры. Веком позже мы видим её в Японии, в момент введения буддизма, сделавшего её своей эмблемой. Это исключительно арийский символ. Гвидо Лист при расшифровке рунической эпопеи «Эдда» в 1908 году описал свастику в своих популярных работах как символ чистой крови, дополненный знаком эзотерического знания. При русском дворе крест с загнутыми концами был введен императрицей Александрой Федоровной, немкой по происхождению. Было ли это сделано под влиянием теософов? Здесь мог сыграть решающую роль и медиум Бадмаев, странный персонаж при русском царском дворе. Скорее всего, свастика попала в царский дом благодаря Бадмаеву, который в свое время был ламой на Тибете, затем перешел в православие. Известно, что Бадмаев часто встречался с Гаусгофером, когда тот посещал Тибет.

Тридцать или сорок веков назад, как утверждали оккультные лидеры фашизма, в Гоби существовала великая цивилизация. Вследствие катастрофы это место превратилось в пустыню и спасшиеся эмигрировали – кто на северную окраину Европы, кто к Кавказу. Бог Тор из северных легенд был одним из героев этой миграции.

«Посвященные» из группы Туле были убеждены, что эти эмигранты из Гоби составляли основную расу человечества, были родоначальниками арийцев. Гаусгофер проповедовал необходимость «возвращения к истокам», то есть необходимость завоевать всю Восточную Европу, Туркестан, Памир, Гоби и Тибет. Эти страны представляли в его глазах «Сердце земли», он учил, что тот, кто контролирует этот район, контролирует весь мир.

Альфред Крупп должен был появиться в ставке Гитлера как раз в тот момент, когда войска Рейха успели с помощью его оружия завоевать почти всю Восточную Европу, то есть смогли осуществить часть грандиозного плана Гаусгофера по захвату «Сердца земли», когда немцы развивали успешное наступление на Кавказе.

Сейчас много говорят о близости сталинизма и гитлеризма, о том, что именно Сталин помог прийти Гитлеру к власти, о близости двух диктаторов. На самом деле это так и не так одновременно. Перед нами две противоположно ориентированные оккультные государственные системы. Сатанинская звезда, символ ведьм и шабаша, при всей своей ориентированности на зло, все-таки не походила на свастику, и, стало быть, конфликт был неизбежен. И тут место ещё одной удивительной истории.

Во время расстрела большевиками царской семьи в доме Ипатьева царица перед казнью нарисовала крест с загнутыми концами, сопроводив его надписью. Эта надпись была сфотографирована, потом её поспешили стереть. У Кутепова был этот снимок, сделанный 24 июля. Он также заполучил со склада икону, найденную на теле царицы, и внутри её нашли другую надпись, намекающую на тайное общество Зеленого Дракона. По словам агента-осведомителя, вскоре таинственным образом отравленного, Кутепов был похищен и убит на трехмачтовой

яхте барона Отто Ботена, позднее тоже убитого. Агент писал: «большой белый корабль назывался «Ашгерд». Он был окрещен названием царства короля Туле в исландских легендах.

Как писал Требич Линкольн, общество Зеленых, родственное обществу Туле, происходило из Тибета. Не имела ли война с советской Россией и ещё один, тайный смысл, суть которого заключалась в мести одного оккультного общества другому за совершенное некогда ритуальное убийство русско-немецкой императрицы и всей её семьи, близкой тайному обществу Туле, деятельность которого определяла собой все сферы политической жизни Третьего Рейха? Пожалуй, на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Ясно может быть лишь одно, если Альфред Крупп был вхож в святая святых Третьего Рейха, то он не мог быть не посвящен и в его оккультные тайны. Взять хотя бы тот факт, что на своих предприятиях немецкий промышленник охотно использовал труд узников Аушвица, в основном евреев по национальности. Пройдет около полугода после знаменитой встречи Гитлера и Альфреда Круппа и фюрер в одной из своих речей в марте 1943 года скажет: «Мир узнает, что скоро воскреснет древняя Бургундия... Она будет включать в себя романскую Швейцарию, Пикардию, Шампань, Франш-Конте, Эйно и Люксембург. Национал-социалистическая партия не будет иметь там никакой власти. Только СС будет управлять, и весь мир будет одновременно поражен и восхищен этим государством, где окажутся примененными концепции СС... Какой вид будет иметь грядущий социальный порядок? Друзья мои. Я вам скажу это: будет класс господ, и будет толпа различных членов партии, классифицированных иерархически, и будет огромная безымянная масса, коллектив служителей, навеки низших, а ещё ниже их – класс побежденных иностранцев, о котором я не могу говорить... Но эти планы не должны быть известны простым членам партии...».

В соответствии с этой доктриной, мир – это материя, которую нужно преобразовать, чтобы из неё выделилась энергия, способная привлечь Внешние Силы, Высших Неизвестных, Властелинов Космоса. Деятельность Черного Ордена, то есть СС не отвечала никакой политической или военной необходимости, она отвечала лишь необходимости магической. Концентрационные лагеря, узники которых и работали в основном на заводах Круппа, должны были осуществлять первоначальную магию. Эти лагеря с их газовыми камерами и топками должны были представлять собой символический акт, макет будущего. Все народы будут оторваны от своих корней, превращены в огромное кочующее население, в сырьё, над которым будет позволено командовать. Тогда и должен подняться из небытия цвет человечества – человек, находящийся в контакте с богами. В соответствии с этой концепцией, все вещи, все существа, включая человека, это лишь различные формы всемирного живого, умножающиеся с течением лет. Мы сами не живем по-настоящему, пока не осознаем Бытие, которое нас окружает, объединяет и использует для подготовки других форм. Акт творения не завершен, Космический Дух ещё не отдыхает, будем же внимательны к его приказам, передаваемым богами нам, жестоким магам, поварам, месящим кровоточащее и слепое человеческое тесто! Печи Аушвица – это сам по себе магический ритуал, в котором и принял активное участие Альфред Крупп.

После знаменитой встречи, состоявшейся в ставке фюрера, Гитлер сделал следующее заявление: «Фирма «Фридрих Крупп», семейное предприятие в течение 132 лет, заслуживает высочайшего признания за её несравненные дела в укреплении величия Германского оружия. Воля моя такова: оставить это предприятие в руках одной семьи и впредь». Заявление за подписью Гитлера стало своеобразным декретом. Уникальным законом, названным «Законом Круппа». Отныне Альфред был единственным наследником. Вслед за декретом почти в это же время Гитлер самолично переименовал Альфреда фон Болена унд Гальбаха в Круппа. И это Альфреду, а не Густаву предстояло вынести весь Нюрнбергский процесс и выслушать приговор, в котором он обвинялся как участник в развязывании второй мировой войны. Обвинили Альфреда и в преступлениях против человечества. И здесь требуются некоторые пояснения в том, как понимал Гитлер расизм и задачи национал-социализма, чтобы понять, почему пред-

ставитель семьи Крупп, в жилах которого текла кровь немецких аристократов, смог с таким равнодушием способствовать уничтожению евреев и других, по мнению фашистов, представителей неполноценных рас. Гитлер в своих разговорах с Раушнингом сказал как-то: «Творение не завершено. Человек явно подходит к новой фазе превращения. Прежняя человеческая порода уже вошла в стадию гибели, лишь немногие выживут... Две разновидности будут быстро эволюционировать, противостоя друг другу. Одна погибнет, другая разовьется. Люди неодинаковы. Одни из них не являются потомками великанов. Эти люди были созданы мутацией. Цыгане, негры, евреи – не люди в действительном смысле слова. Родившиеся после обрушения третичной Луны в результате неожиданной мутации эти «новые» создания (особенно евреи) подражают человеку и ревнуют его, но не принадлежат к его породе. Они так далеки от нас, как породы животных – от подлинной человеческой природы... Теперь вы понимаете глубокий смысл нашего национал-социалистического движения? Тот, кто понимает национал-социализм только как политическое движение, не очень-то много знает...» Из этих высказывания Гитлера становится ясно, что расовая доктрина составляла часть нацистского эзотеризма. Был расизм пропагандистский, он описан историками, и суд, выражая народное сознание, справедливо осудил его. Но был и другой расизм, более глубокий. Он остался непонятый историками и народами, и между этими расистами, с одной стороны, и их жертвами и судьями – с другой, не могло быть общего языка. Именно поэтому некоторые заседания суда в Нюрнберге были лишены смысла. Судьи не могли понять никакого диалога с ответственными, которые к тому же по большей части исчезли, оставив на скамье подсудимых лишь исполнителей. Во многом по этой причине полковник СС Вольфрам Сиверс, ограничившийся чисто рациональной защитой, прежде чем войти в камеру для повешения, попросил дать ему в последний раз отправить свой культ и произнести таинственные молитвы. Потом он бесстрастно подставил свою шею палачу.

Сиверс был главным управляющим Аненербе и как управляющий был осужден на смерть в Нюрнберге. Общество исследований будущих путей, проторенных предками, Аненербе, было основано частным образом духовным учителем Сиверса Фредериком Хильшером, который был в тесных отношениях с Гаусгофером.

Известно, что Германия израсходовала на исследования Аненербе больше, чем Америка на производство первой атомной бомбы. Эти исследования охватывали огромную область, от научной деятельности до изучения практики оккультизма, от вивисекции заключенных до шпионажа за тайными обществами. Там велись переговоры со Скорцени об организации экспедиции, целью которой должно было быть похищение Святого Грааля, и Гиммлер создал специальную секцию, осведомительную службу, которой была поручена «область сверхъестественного».

Во время войны Сиверс организовал в концлагерях ужасные опыты, ставшие впоследствии предметом описания многочисленных черных книг. Аненербе «обоганилось» «Институтом научных исследований национальной обороны», «располагавшим всеми возможностями, предоставленными Дахау». Профессор Хирт, руководивший этими институтами, составил себе коллекцию типично израильских скелетов. Сиверс передал армии вторжения в Россию заказ на коллекцию черепов европейских комиссаров. Когда в Нюрнберге зашла речь об этих преступлениях, Сиверс остался чужд всякому нормальному человеческому чувству, чужд всякой жалости. Он был вне этого. Он слушал другие голоса.

Хильшер, несомненно, играл важную роль в выработке тайной доктрины. Вне этой доктрины позиция Сиверса, как и позиция других ответственных лиц, остается непонятной. Выражения «моральная чудовищность», «жестокость ума», «безумие» не объясняют ничего.

Хильшер, которого никто не потревожил, пришел свидетельствовать в пользу Сиверса на Нюрнбергском процессе. Он говорил перед судьями о политических диверсиях и высказывал умышленно абсурдные соображения о расах и племенах предков. Хильшер просил позво-

ления проводить Сиверса на виселицу, и вместе с ним осужденный произносил своеобразные молитвы, принадлежащие к культу, о котором он никогда не говорил во время допросов.

На Нюрнбергском процессе Карл Гаусгофер был допрошен как свидетель по просьбе защитников Рудольфа Гесса. Судьи, представлявшие страны-победительницы, с удивительным единодушием ограничились постановкой малозначимых вопросов, как бы опасаясь касаться основной проблемы.

14 марта 1946 года Карл Гаусгофер, один из оккультных лидеров германского фашизма, убил свою жену Марту и покончил с собой в соответствии с японской традицией. Никакого памятника, никакого креста нет на его могиле и по сей день.

И Сиверс, и Хильшер, и Гаусгофер, и Гитлер и Гиммлер и многие, многие другие хотели изменить жизнь и перемешать её со смертью. Они подготавливали приход Высшего Неизвестного. У них было магическое понимание мира и человека. Они пожертвовали этому пониманию всю молодость своей страны и принесли в жертву богам океан человеческой крови. «Они сделали все, чтобы согласоваться с Волей Властителей, – писали французские исследователи Луи Повель и Жак Бержье. – Они ненавидели современную западную цивилизацию, будь она буржуазной или рабочей. Они должны были победить, потому что были носителями огня, который их враги, будь они капиталистами или марксистами, уже давно угасили в себе. И вот они оказались побежденными, раздавленными, судимыми, униженными – и кем? – обычными людьми, жевателями резинки или пьющими водку, людьми с узкими верованиями, людьми поверхностного мира, положительными, рациональными. На Востоке эти механизированные тяжеловесы, на Западе эти пуритане с мягкими костями построили превосходящее число танков, самолетов, пушек. И они обладали атомной бомбой, они, не знающие, что такое великая открытая энергия! И теперь, как улитки после ливня, выползшие из железного дождя, очкастые судьи, профессора гуманитарного права прибыли в Нюрнберг давать уроки примитивной морали Властителям, монахам-воинам, подписавшим договор с Высшими Силами, Приносящими Жертвы, тем, кто читал в черных зеркалах, им, союзникам Шамбалы, наследникам Грааля! И они посылали их на виселицу, называя их преступниками и безумцами».

«В конечном счете, – говорил Раушнинг, – каждый немец стоит одной ногой в Атлантиде, где он ищет лучшую родину и лучшее наследие».

Это же самое в полной мере можно было бы сказать и о Круппах. То, что Альфред оказался на скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе, говорит лишь о том, что он разделял взгляды фашизма и, скорее всего, был знаком с его тайными оккультными представлениями.

Доказательства против Круппа были столь очевидными, что союзники сошлись в едином мнении провести кардинальную чистку на освобожденной территории, дабы уничтожить все следы, все здания и заводы. Которые некогда принадлежали преступной корпорации. Коммунистический Советский Союз и капиталистический Запад, Сталин, Черчилль и Эйзенхауэр были единодушны в этом стремлении. Семья Круппов, казалось, на короткое мгновение вновь объединила между собой столь различных лидеров в их праведном стремлении уничтожить даже слабое напоминание о Вселенском Зле, превышающем и издержки сталинского социализма, и невзгоды великой депрессии, и противоречия между выскочками янки и консервативно-благородными англичанами.

Пометки мелом, как знак прокаженного, стали расцветать, словно белые хризантемы, на воротах фабрик, на дверях офисов и на прочей собственности семьи Круппов. Союзники делили между собой оборудование и вывозили его в разные части света.

Примечательным представляется тот факт, что Альфред по приговору должен был отбывать наказание как раз в крепости Лансгарт, где два десятилетия до этого Гитлер писал «Mein Kampf», и представленный Гессом генерал Карл Гаусгофер ежедневно посещал фюрера, проводя с ним долгие часы в беседах по оккультизму. Круп словно повторял тернистый путь своего кумира. Правда, теперь ему пришлось сменить свой безупречный костюм на робу арестанта.

Воспитанный править и быть королем, искренне разделявший взгляды фашизма, бесподобный Альфред теперь был обречен гнить в застенках, приговоренный и обесчещенный. Бесчестье было, пожалуй, самым невыносимым наказанием для Круппа. Гордость для Круппов – это как родимое пятно, как общий родовой признак, объединяющий всех этих людей в единое целое. Бремя гордыни и чести иногда казалось невыносимым, но Круппы считали, что они рождены для того, чтобы нести это бремя до скончания веков.

Сидя в одиночной камере, Альфред Крупп постоянно прокручивал в памяти одну и ту же сцену. Ему все время представлялось, как за несколько дней до ареста, когда союзники вместо него схватили парализованного отца, зябким апрельским утром 1945 года ему пришлось ещё раз посетить Эссен, родовое гнездо Круппов. Именно здесь билось сердце гигантской империи. Здесь хранилось золото мифического народа Нибелунгов.

Дело в том, что почти в самом центре Европы находятся огромные залежи угольных пород, напоминающие сверкающий черный пояс, готовый в любую минуту вспыхнуть ярким пламенем. Эта бесценная жила, без которой невозможна была бы индустриальная революция XIX века, берет свое начало в Уэльсе и заканчивается в Польше. Однако не на всей указанной территории угольный пояс дает знать о себе одинаково интенсивно. Так, угольные швы на территории Франции и Бельгии очень обильны и отличаются высоким качеством. Нечто подобное можно наблюдать и между Саксонией и польской Силезией, где гигантская жила завершает свой бег. А дальше – пролегли лишь огромные пространства красивых, но абсолютно стерильных земель. И если бы так было повсюду, то ни о какой промышленной революции говорить не приходилось бы. Однако и в этой царской тиаре находились свои особые излучины, где уголь отличался таким исключительным качеством, что лишь из этой породы можно было создать великолепную сталь, которая со временем стала ассоциироваться с именем Круппа.

Эти обогащенные изгибы огромной угольной короны, спрятанной в земной коре, по воле Судьбы оказались расположенными в основном на территории Германии и как раз в том месте, где Рейн спускается с массивных и мрачных холмов и затем несет свои воды к равнинам Голландии.

5 марта 1943 года Эссен был стерт с лица земли: главной целью союзников были заводы Круппа, на которых производилось оружие для армии вермахта. После 5 марта 1943 г. и до самого окончания войны на маленький городок было сброшено более 36 тонн бомб. Авианалеты не прекращались ни днем, ни ночью.

Апрельским утром 1945 года Альфред ехал в открытом лимузине марки «Хорьх» по опустевшим улицам, и все, что он видел тогда, вновь и вновь всплывало в его памяти, пока он сидел в одиночной камере. За время поездки Альфред не проронил ни слова, и только побелевшие костяшки пальцев, сжимавшие никелированную ручку двери, выдавали его состояние.

Вокруг царил хаос. Там, где раньше кипела работа, теперь торчали жалкие обломки кирпичных стен. В проемах виднелись скелеты станков, останки безотказных некогда механизмов. Не уцелел ни один дом, ни один склад, шахта или завод. От главного офиса остался лишь этаж. Круппу видно было, как уцелевшие станки упаковывались для отправки в страны-победительницы. Проезжая мимо, Альфред вспоминал: на этих станках вытачивались детали для знаменитых «Тигров» – самых лучших германских танков, здесь собирались подлодки «U-2», а вот та засыпанная шахта приносила ему полтора миллиона фунтов стерлингов годового дохода. Альфред попросил шофера остановиться лишь однажды: на главной площади, где, заброшенная кирпичной крошкой, лежала статуя его прадеда, великого короля пушек, в честь которого Альфреда и назвали Альфредом. Многотонное изваяние, отлитое из лучшей крупповской стали, совсем не пострадало. Непреклонный взгляд Альфреда-старшего был устремлен в небо, и Крупп долго стоял, вглядываясь в его суровое лицо. Прадеда вполне можно было отнести к одним из тех прокопченных баронов Рура из германских сказаний, который спустившись в ад, почувствовал, что замерзает и пожалел, что забыл захватить с собой шубу. Огонь веч-

ной топки, кажется, и сейчас отражался в застывшем взоре поверженного на землю каменного исполина. Казалось, что статуя Альфреда-старшего сама не захотела возвышаться над землей и тем самым отрываться от родственной стихии. Эта статуя так плотно прижалась к земле, что могло создаться впечатление, будто ей необходимо как можно быстрее уйти в самую глубину, где и находилась истинная корона власти, изгиб угольной жилы, обогащенной коксом, столь необходимым для выплавки стали. Небо словно пугало прадеда. Ведь оттуда летели на дорожной Эссен бомбы. А там, под землей, было намного привычнее... там и скрывалась истинная Власть. Она пряталась в крошечной тьме, в удушающей жаре угольных шахт и влекла к себе всех Круппов, как живых, так и мертвых.

Впрочем, обогащенная коксом сталь Рура стала известна миру лишь в течение последнего столетия. Жители же Армении, например, обогащенное железо начали выплавлять ещё три тысячи лет тому назад. В Европе в первые о стали заговорили лишь в конце Средневековья. Индустриализация пришла на земли Германии достаточно поздно, но когда это все-таки состоялось, то первое знакомство с выплавленной сталью оказалось подобно мощному удару, и нечто древнее, темное всколыхнулось в душе каждого немца. И это была Судьба, Судьба не только знаменитой эссенской семьи, но и всей Германии, которая ещё в начале XIX века была тихой раздробленной страной, населенной милым чудаковатым, сентиментальным и трудолюбивым народом. Многие из этих людей отправлялись в соседние страны в поисках лучшей доли и становились гувернерами у богатых русских помещиков или исполнительными чиновниками в заснеженном Петербурге или в хлебосольной Москве. Кто не помнит чудаковатого и доброго Карла Ивановича из трилогии Л. Толстого? Кажется, доброта у этого человека имела биологическое происхождение. Даже мух Карл Иванович убивал с какой-то деликатностью и словно извиняясь перед этими надоедливими насекомыми за свою вынужденную жестокость: спокойный сон русских барчуков был намного дороже старому доброму немцу, чем веселое, но назойливое жужжание. Правда, в поэма Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» исполнительный немец приказчик поплатился-таки за свою расторопность и мужики заживо закопали этого чиновника за то, что посмел обманом заставить крестьян самих прорубить в лесу дорогу к своей забытой царем и Богом деревне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.